

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК

Этот дневник пролежал в столе более двадцати лет. И вот недавно я прочёл его и решил опубликовать. Почему?

Сейчас мы много говорим об истории. В обществе возникла настоящая потребность в правде жизни. Именно это придало смелости в публикации данного дневника.

Дневник

Ленинград, БМП, Балтийское морское пароходство, теплоход «Борис Жемчужин».

23 декабря, 1990 г.
Воскресенье.

Утром звонила Галя (моя жена). Толком не простились. В 15:15 на судно прибыли погранвласти и таможня. У Миши (моего сына, аспиранта МГУ) сорвалась выставка открыток старинных улиц Новгорода. По судовой радиотрансляции объявили об отключении судового телефона.

В 16:00 появились буксиры — «Вьюга» и ещё какой-то. В 16:54 отчалили. Поплыл берег — до свидания! Как сказал один из матросов по телефону: ждите нас дома, когда распустятся листочки.

Старпом — Евгений Константинович Михайлов определил моё место за столом в кают-компании рядом с капитаном — Алексеем Борисовичем Людиным. Это большая честь — сидеть от него по правую руку. Я — писатель-маринист, пассажир на один рейс, проведён по судовой роли рефмехаником. Сегодня после обеда подарил капитану свою новую книгу «День возвращения» (только что вышла в издательстве «Советский писатель»).

Сейчас двенадцать ночи (24:00). Дважды поднимался на мостик. Первый раз на вахте старпома, когда шли с лоцманом. И второй — на вахте третьего штурмана — Сергея Васильевича Ушакова.

Ветер бил в левую скулу. Справа маячок на мысе Нерва, слева по траверзу какой-то рыбак (рыболовецкое судно), а впереди — попутчик. Небо и вода неразличимы. Огни звёзд и попутчика сливаются, и кажется, что мы не плывём, а летим в полной пустоте. Наверное, огни нашего судна кто-то тоже ловит глазами среди звёзд. Ветер с подвывом гудит в вантах, грозная всеобъемлющая тьма. И только внизу, по правой скуле судна, отчётливо виден белый кипящий бурун.

Прощай, Ленинград, прощайте, Туруханские острова, прощай, 87-й причал, — идём на Кубу, в порт Нуэвитас.

25 декабря, 1990 г.
Вторник.

Где-то в 13:00 обогнали западногерманскую «Алиту», маленький контейнеровоз. Через несколько часов по траверзу слева появится остров Борнхольм, принадлежащий Дании. Идём со скоростью 15,5 узла. По всем прогнозам в Северном море погода дрянная — сила ветра 25 м/с. Капитан сказал, что с нашим грузом (на палубе стоят впри-

тык друг к другу колёсные трактора «Владимирцы») лучше всего переждать непогоду возле какого-нибудь острова. У нас где-то поблизости есть место якорной стоянки. Будем пережидать. Метеорологические карты показывают, что над всей Англией установилась область пониженного давления.

На мостике разговорился с капитаном — у него стаж 43 года, из них 37 — в БМП (Балтийском морском пароходстве). Прежний рейс длился три месяца и девять дней. Были на Кубе, потом — в Венесуэле. Удивительная страна, богатая и жизнерадостная. Прекрасная обувь и довольно дешёвая. Сигареты тоже дешёвые, пачка «Мальборо» (Marlboro) стоит 50 центов. Не все магазины производят перерасчёт на американские доллары — у них очень крепкие боливары.

По судовому времени 17:45 (по московскому — 18:45). Капитан сказал, чтобы стрелки часов поддёрнули ещё на час — на средневропейское время. Зима. Темно.

Старпом через спутник связался с Калуннборгом (Дания). Мы планируем взять там харчи — нас ждут в пять утра. Старпом разговаривал три минуты. Одна минута стоит шесть долларов. Три, соответственно, — восемнадцать. Старший механик попросил четыре часа стоянки в Калуннборге — надо заменить какой-то фланец. Все сошлись на том, что надо было стармеху при приёмке судна быть более въедливым.

Ночь предполагается напряжённая. Узкий фарватер — входим в пролив, соединяющий Балтику с Северным морем. Капитан говорит, что с этими не-

ЖДИТЕ НАС ДОМА,

запланированными стоянками ремонта машины всё получается, как в прошлый рейс, — тогда простояли десять часов.

Было бы хорошо, если бы и заходы в порты были такими же — Куба, Венесуэла и так далее.

Что-то правая рука в плече разболелась. Так болела, когда работал мельником рыбодробильной мучной установки на БМРТ «50 лет ВЛКСМ». Кажется, моё тело обладает какой-то своей отдельной памятью. Болит, болит правое плечо. А я не умею писать левой рукой. То есть иногда, бывает, пишу правой, а получается, будто *кропал одной левой*.

Старпом Евгений Константинович рассказал, как устроены компьютеры. Вообще я люблю разговоры на отвлечённые темы.

Четвёртый помощник капитана Анатолий Васильевич Володазкий принёс судовую роль (список членов экипажа теплохода «Борис Жемчужин»). Нас тридцать восемь человек. Буду знакомиться с экипажем. А волна иногда такая, что поднимается выше стальных колонн на ба-

ке. Вода белой стеной обрушивается на надстройку, и брызги как бы вскипают на иллюминаторах рубки.

Сегодня написал родным и знакомым больше десяти телеграмм. Жаль, нет адреса Виктора Андреевича Ильина. Он заметил меня — на Всероссийском семинаре молодых очеркистов в Пицунде рекомендовал в члены Союза писателей СССР.

После ужина смотрел по 58-му каналу датскую телевизионную программу. Понравился клип с фонтанами огня и взрывами. Его здесь довольно часто крутят. Страдающий молодой человек не просто поёт, а бросает гранаты и настаивает по-английски: «Гив ми эссэсор...» (дайте мне СССР...).

У нас, в зале кают-компании комсостава, стоит телевизор «Грюндик» — шёл фильм «Бей первым, Фредди!». В столовой команды ещё лучше — «Тошиба». Проклятые капиталисты! Качество телевизоров несравнимо с нашими новгородскими. Остался в столовой коман-

ды, посмотрел фильм «Терминал». По-английски ни бум-бум, но всё понятно. Бросилась в глаза захватывающая динамичность фильма — всё нарастающая и нарастающая. Невозможно оторваться.

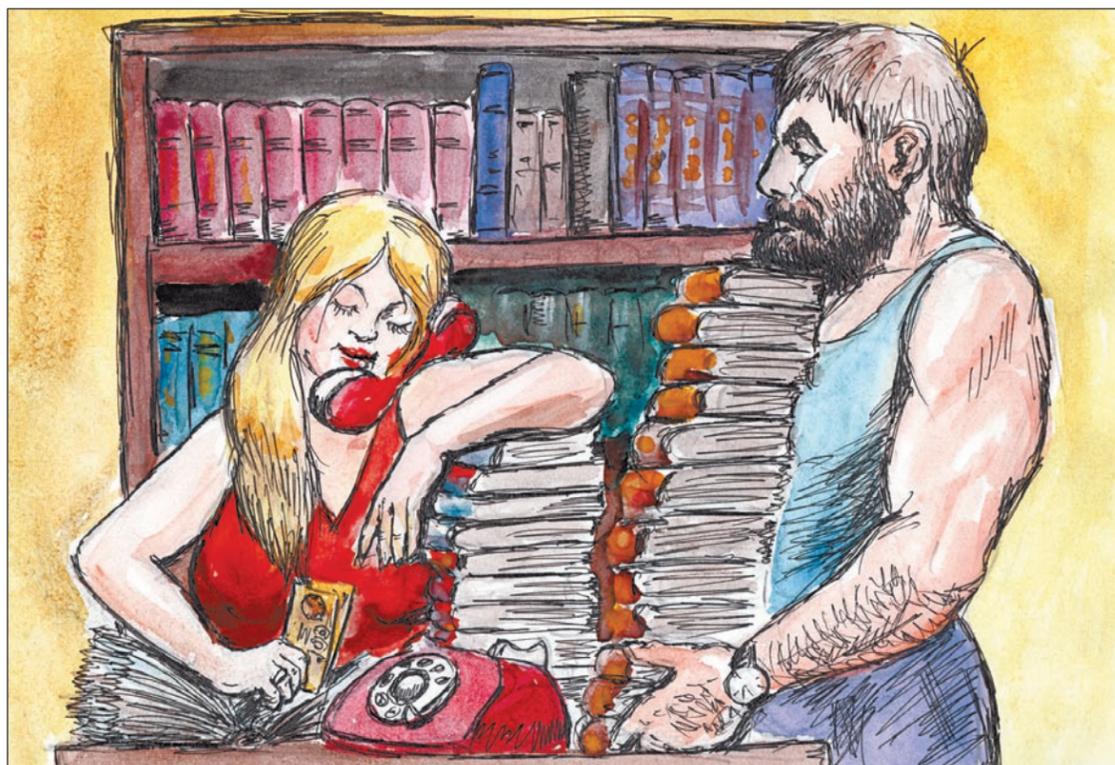
26 декабря, 1990 г.
Среда.

Судовое время 08:00, стоим на якоре в бухте Калуннборг. Подошёл бот с харчами. По рации спросили капитана: готово ли судно принять провиант? Капитан сказал: всё готово. Он и старпом свободно говорят на английском.

Развидняется. Прямо по носу берег. Ветер шумит высоко в вантах, а поверхность бухты лишь местами взялась рябью. Берег голый, ничего нет — пустынно. Слева вдали — огни небольшого поселения и маяк. Сопочки с растительностью, в прогалках белет снег.

В Калуннборге простояли с 06:00 до 13:00 — всякие неотложные судовые работы, и главное — взяли провиант. Алексей Борисович сказал, что, не будь Калуннборга, очень и очень тяжко пришлось бы нашим морякам. Здесь основная заправка продуктами. У нас в магазинах только бычки в томатном соусе. А здесь в пересчёте на наши деревянные рубли: 1 килограмм сливочного масла — 1 рубль 60 копеек, кури — 1 рубль 20 копеек. И всё это в сравнении с нашими продуктами — высшего качества. На Кубе наше мясо печатывается, а датское, немецкое, в общем стран ЕЭС, — нет. Мы умудрились завезти им на Кубу какую-то бациллу, в результате чего они потеряли до полутора миллионов голов скота. Ещё и сейчас не могут расхлебать последствия. Именно поэтому по приходе в порт все наши мясопродукты, если таковые имеются, тут же печатываются их властями — запрещаются к употреблению на Кубе.

Пока стояли, выходил на бак, на корму, по левому, по правому борту — знакомился с судном.

Рисунки Александра ДАНИЛКИНА

КОГДА РАСПУСТЯТСЯ ЛИСТОЧКИ

Мы рядом с берегом, чуть солнышко выглянет из-за туч — и сразу всё как на ладони. Два дома совсем на краю берега (высокие мансардные крыши покрыты добротной красной черепицей). Слева от домов холмы усеяны ветряками. Крутятся трёхлопастные пропеллеры, снабжают фермерское хозяйство и всё вокруг экологически чистой и дешёвой энергией.

Городок Калуннборг рядом. Рулевой матрос **Игорь Алиев** на другом судне бывал в этих местах. Говорит, за хлебом ходили. Городок богатый, чистый, опрятный.

В 13:00 снялись с якоря. По подсчётам Алексея Борисовича у входа в Северное море будем через десять часов. Но выходить в море не будем. Подождём, пока стихнет шторм, там сейчас 10—11 баллов.

Обед был королевским. Картофельный суп, в основном бульон с мясом. Жареная курица в кляре со свежей капусточкой и всякими приправами. Сливочное масло и, как обычно, яблочный компот. Ничего не скажешь — хорошо кормят на судне.

На корме — пустой бассейн под открытым небом, а под ним — сауна. К сожалению, плохо прогревается. Электромеханик Суворов Борис Николаевич говорит: одного тэна нет, перегорел.

По судовому времени, то есть по средневропейскому, в 22:20 стали производить манёвры, чтобы стать на якорь. Командовал третий штурман Ушаков Сергей Васильевич. Капитан зорко наблюдал, но не вмешивался. Кругом суда, скученность, как в рыболовной экспедиции. Никто не желает выходить в Северное море — там шторм усилился. Мы выбираем место для стоянки, чтобы бросить якорь.

Теперь я в своей каюте. Судно валяет. Когда пишу, даже руку заносит. Сколько мы простоим в ожидании сносной погоды — одному Богу известно. Мои баночки с ручками и карандашами начинают весьма резво ездить по столу. Трудно писать — буквы выглядят полупьяными.

**27 декабря, 1990 г.
Четверг.**

На завтрак, как всегда, разбудил вахтенный матрос. Позавтракав, зашёл на капитанский мостик. И справа, и слева, и по корме — множество судовых огней. Никто не уходит. Шторм в Северном море просто безумствует. Даже у нас — ветер до 20 м/с, а там и подавно. Но главное не ветер — волна. У нас на палубе стоят в связках колёсные трактора, контейнеры, цистерны с маслом. Всё это приторочено и закреплено, и всё же нет никаких гарантий... За пять секунд груз может сорвать, искорёжить и смыть за борт. Мы, когда становились на якорь, шли против ветра средним ходом, а почти не продвигались, стояли на месте.

Итак, справа по носу маячок, а справа по траверзу, может быть чуток южнее, — город Гётеборг (Швеция). На воздухе температура плюс пять градусов. Развидняется. Горизонт светлеет кольцевой полосой, а сверху грозная темень туч. Кажется, чёрная водная масса по светлому кольцевому

кругу отстала от хаоса неба и уходит вниз, проваливается. Во всяком случае, когда сухогруз наш начинает валять, кажется, что падение в бездну вполне реально.

Основной цвет дня и дней — серый. Солнце, если выскакивает из-за туч, то на минуту или считанные секунды. В общем, цвет неба и моря колеблется от свинцового блеска, когда выглядывает солнце, до тёмно-свинцового. А ночью в сплошной тьме лобовая волна вдруг вздыбливается, как стена, а когда падает — море до того, пенясь, вскипает, что, кажется, будто вокруг судна выпал иссиня-белый снег. От этой белизны даже стрелы баковых кранов становятся отчётливо различимыми, как бы высвеченными каким-то особым, подстилающим снизу светом.

Сейчас по местному времени 16:00, по всемирному — 15:00, по Москве — 18:00. По судовому радио (транслируется радиостанция «Маяк») только что объявили, что в стране в течение первого полугодия будет проведена реформа цен. Так и сказали: «реформа цен». Вот что значит, когда у власти настоящие до мозга костей реформаторы. Цены будут повышены на всё — идём в

— Где буян? (Флажок треугольный, пионерский, вывешивается, когда судно под погрузкой или разгрузкой.)

Потом опять: — Где таблица живмя?..

2. Зашёл второй штурман и сказал ему, Искову: дочь капитана ждёт у трапа. Он объявил по спикеру, — оказывается, это была жена.

3. Разгружали лес, третий (Исков) вышел на крыло мостика покурить. Видит — боцман с матросом начинают разгруз, вынули бревно-стойку (девять метров длиной), оно, соскользнув, сыграло и боцману по балде. Он упал, кровь из ушей, изо рта.

Выскочил доктор с противогазом, замахал руками: ой, убили — мёртвый! Это вместо того, чтобы оказать первую помощь, сделать искусственное дыхание.

Старпом тихо подзывает его — бац по морде. Тот умылся кровью.

— Я в суд на вас подам!

И что интересно, оторопь у всех прошла, прошёл кризис. Благо полисмен увидел «чепэ», срочно вызвал «скорую помощь» — семь дней боцман пролежал в больнице, глаз перестал закрываться, но он потом научился его отключать.

Они уже и фальшфейеры зажгли, и ракету дали, а мы прём. Тогда они уже сходить стали, чтобы не пропустить нас на тралы, а капитан молчит. Даю матросу команду: *право на борт!* Капитан — *я команды не давал.*

Говорю ему: — Вы молчите — стало быть, вы посторонний в рубке.

Засопел и ушёл. Матросы мне: *Анатолий Иванович, ну теперь капитан вас съест.*

Ничего, даже не вспоминал — четвёртый помощник припугнул его.

Пришли в Неаполь, ещё таможенников не было. А кто-то из докеров кошку перебросил к нам через фальшборт и за нею зашёл на судно. Уже «ченч» (обмен) производит. Откуда взялся? Никто не понял.

Четвёртый помощник воспользовался, сказал: вернёмся домой в порт, скажу, что капитан увёз человека из нашей страны за границу. Свидетели найдутся, он многих уже задолбал.

Капитан испугался, перестал Искова заедать — хоть отдохнул неделю перед приходом в порт.

Обсуждать действия капитана — бесполезно, даже на Совете капитанов. Пришёл на Совет. Рассказал о случае с рыбаками,

го штурмана была крупная *зачка* в книге Хемингуэя «Острова в океане». Он прятал в ней две сторублёвые. Дал радиogramму жене — *прочти Хемингуэя на 80 странице.* Тут же получил ответ — *Хемингуэя прочтала, что ещё почитать?!*

Сегодня попросил электромеханика починить кран в сауне. Он отказал: сауна — вотчина четвёртого механика, которого «позаглаза» величают — *начальник говна и пара!* Это потому что он отвечает на судне за котёл и канализацию.

Разговор услышал старпом, сказал, чтобы выключил сауну и без разрешения не включал. Я выключил. О сауне узнал капитан, громко объявил, чтобы не трогали сауну, категорически запретил ей заниматься. Я уже не рад был, что связался с сауной. На флоте любят второстепенное возводить до космических масштабов, а о главном, как правило, дружно помалкивают.

Продолжаем стоять на якоре, дожидаясь погоды. На барометре стрелка самописца постепенно поднимается вверх. Медленно поднимается. Капитан сказал, что, как только поднимется по высоте на свою исходную (кстати, стрелка рисует яму), тогда только можно будет рассчитывать на благоприятную погоду. Отсюда вывод — завтра, 28 декабря, ещё будем стоять. Если послезавтра снимемся с якоря, то будем считать, что повезло.

Сегодня около двух часов провёл на палубе. В полдень белое солнце едва поднялось над горизонтом. Видел три радуги. Первая явилась справа, если стоять спиной к солнцу, прошла по горизонтальной туче и оборвалась у самого борта. Такое впечатление, будто Сам Господь Бог сошёл к нам на судно. Всё вокруг было в движущемся сиянии.

Вторая радуга поднялась, словно сияющий столп. Ближайшее к нам судно запылало в её свете и на какое-то время стало неразличимым. Третью — увидел после обеда, после раздражённых разговоров о сауне. Она стояла по правой скуле судна. Не знаю почему, но созерцание радуги всегда поднимает мне настроение. Так было и на этот раз. Радуга была обычной, отдалённой, как на суше, но она была третьей за день — божественное число!

После ужина на фильм не пошёл. От часов отвалился браслет. Радиооператор Вячеслав Михайлович Гриднев привёл меня к судовому врачу Юрию Александровичу Иогансену. Юрий Александрович в течение двух минут отремонтировал браслет.

— У него золотые руки, — гордился врачом, сказал Вячеслав Михайлович. — И к тому же он без ума от Арнольда Шварценегера.

Мы с удовольствием поговорили о фильме «Терминатор».

Перед сном читал *Учение Живой Этики* — «Листы Сады Мориев» Елены Ивановны Рерих. Мало кто знает, что её мать Екатерина Васильевна — правнучка великого фельдмаршала Кутузова.

Окончание следует

Виктор СЛИПЕНЧУК
Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

рынок. О том, что рынок — это капитализм, реформаторы почему-то умалчивают.

Случаи из жизни второго штурмана **Анатолия Ивановича Искова**, с которым стою ночную вахту в качестве дополнительного матроса руля, ни на что не претендуют. Он поведал их мне в том порядке, в каком излагаю. Толком я в его рассказы не вникал и записал только потому, что он сказал: рассказываю тебе их как писателю, другому бы ни за что не рассказал.

В 1971 году, то есть ровно двадцать лет назад, Анатолий Иванович впервые пошёл третьим штурманом на лесовозе «Академик Павлов», который был ещё на паровых котлах, а капитаном был некий Рогозин (марзматики).

1. Я стал у трапа, идёт капитан Рогозин.

4. Вторым объявил по спикеру (радиотрансляции): дочери доктора зайти в каюту второго помощника. (На дежурстве был Исков.) Разъярённый доктор залетает в рубку.

— Моя дочь не такая! Как вы могли, подлец!

Схватились — разнимали.

5. Сказал Рогозину (было такое постановление): деньги выдавать долларами только до такого-то порта, а с этого порта — уже чеками ВТБ (Внешторгбанка).

— Кого ты учишь?! — сказал капитан Рогозин и приказал выдавать долларами. (Исков взял у капитана приказ и — выдал.)

Пришли в порт, с капитана — удержать валюту. Была циркулярная криптограмма. Радисты взялись искать — не нашли. Они были друзьями капитана.

6. Идём. Два рыбака (рыболовные суда типа БМРТ) тралы тащат. А мы идём прямо на

они в один голос: *надо было сразу об этом сообщить.* А как сообщишь, если впереди ещё четыре месяца рейса?!

7. Буфетчица была — всё знала: какой курс у корабля, куда идём, что будет за рейс и так далее. По приходе в порт она сказала, что наш лесовоз «Академик Павлов» был в последнем рейсе, что его порежут на металлолом. Капитан Рогозин обиделся — списал буфетчицу с судна. Может быть, чтобы третий помощник (Исков) не догадался, что капитан в какую-то минуту готов был вместе с котлами «Академика...» достойно закончить свою морскую службу? (Марзматики!)

Разнёсся слух, что якобы будут отменены и выведены из употребления сторублёвые и пятидесятирублёвые купюры. Все взбудоражены. Что это, начало денежной реформы? У треть-